

В. Г. Белинский

**Репертуар русского театра,
издаваемый И. Песоцким...**

Книжки 1 и...

Виссарион Григорьевич Белинский

**Репертуар русского театра,
издаваемый И. Песоцким...
Книжки 1 и 2, за январь и
февраль... Пантеон русского
и всех европейских театров.
Часть I**

В первых числах января 1840 года в Петербурге начал выходить новый журнал «Пантеон русского и всех европейских театров», который, по замыслу его инициаторов, должен был освещать театральную жизнь не только в России (на что претендовал организованный годом ранее «Репертуар русского театра»), но и всей Европы. Белинский присутствовал на торжественном обеде по случаю выхода первого номера этого журнала. Обед состоялся около 1 января 1840 года.

Содержание

#1	0005
Примечания	0023

**Виссарион Григорьевич
Белинский**

**Репертуар русского театра,
издаваемый И. Песоцким...**

**Книжки 1 и 2, за генварь и
февраль... Пантеон русского
и всех европейских театров.
Часть I**

*РЕПЕРТУАР РУССКОГО ТЕАТРА, издава-
емый И. Песоцким. Санкт-Петербург.
В тип. А. Плюшара. 1840. Книжки 1 и 2,
за генварь и февраль. В 8-ю д. л. В две
колонны. В I-й книжке – 48, 19, 4, 8 и 22,
во II-й – 24, 20, 12 и 15 стр.*

*ПАНТЕОН РУССКОГО И ВСЕХ ЕВРОПЕЙ-
СКИХ ТЕАТРОВ. Часть I. Издание кни-
гопродавца В. Полякова. Санкт-Петер-
бург. В тип. А. Плюшара. 1840. В 8-ю д.
л. В 2 колонны. 101 стр.*

Хотя «Репертуар» и «Пантеон» принадлежат к повременным и срочным изданиям, но их нельзя отнести к числу журналов, потому что они состояются из целых пьес одного рода, а не из разных статей, не выходящих из известного объема, допускаемого журналом, и не из отрывков от больших сочинений. Театральная хроника, театральные анекдоты, биографии артистов составляют не капитальные статьи этих изданий, а, изредка, роскошь, чаще же – балласт: драматические сочинения, целиком печатаемые, – вот их капитальные статьи. Посему оба эти издания отнюдь не журналы, а разве *драматические альманахи*, срочно и по подписке издаваемые. Вследствие этого они и могут занимать свое место в библиографической хронике «Отечественных записок», в состав которой не входит и никогда не войдет обозрение журналов, *современных «Отечественным запискам»*{1}.

О «Репертуаре» много говорить нечего, во-первых, потому, что он успел уже вполне обозначиться в течение прошлого года, выполняя как следует свои обязанности перед пуб-

ликою; во-вторых, потому, что содержание его составляют большую часть водвили домашней работы, то есть переделки из французских водвилей, переделки, похожие на кушанья, которые при переноске из чужой кухни, где готовились, остыли и разогреваются в своей другими поварами. Нового об этих переделках сказать ничего нельзя – о них давно уже все сказано. Конечно, в «Репертуаре» помещаются и оригинальные произведения; но много ли их и чьи они?.. Здесь опять нового ничего не скажешь. Поставщики, или – и это будет вернее – поставщик все тот же и отличается все теми же красотами, которыми всегда отличаются великие люди на малые дела и которые можно вперед угадать. Итак, о водвилях – изредка, когда-нибудь, а теперь – ни слова. «Репертуар» издается; следовательно, есть охотники до чтения этого рода произведений, – и мы не будем им мешать: пусть себе тешатся. Да оно и хорошо: что бы ни читать, все лучше, чем ничего не делать или играть в карты, что гораздо хуже, чем ничего не делать. А об оригинальных... Кстати: во второй книжке «Репертуара» напечатана «Пара-

ша-сибирячка» г. Полевого, имевшая такой блестящий успех на Александрийском театре. Очень хорошая пьеска; но как много переменялась она в печати, лишенная помощи гг. Каратыгиных, г-жи Асенковой и прекрасных декораций! Право, с трудом узнаете ее! Это обыкновенная участь многих театральных пьес, даже имевших на сцене большой успех: водвили наши особенно подвержены этой горькой участи. Посмотрите, например, как хороша в представлении сцена борьбы дочерней любви, колеблющейся между желанием спасти отца и страхом расстаться с ним, – та самая сцена, где под чувствительные звуки мелодраматической музыки г. Болле г. Каратыгин влечет г-жу Асенкову к себе, а г. Сосницкий к себе. Но, увы! в печати нет эффектной музыки г. Болле, а трогательное мелодраматическое действие обозначено в прописи и потому не производит никакого эффекта. Далее, все, что ни слышите вы со сцены, из уст Каратыгина, кажется вам так сильно, ново, блестяще, а перечитываете – видите что-то очень похожее на обыкновенные общие места во всех старинных мелодрамах{2}. Но, во

всяком случае, «Параша-сибирячка» есть лучшая пьеса г. Полевого, с которою нейдет ни в какое сравнение ни его «Уголино», ни «Ужасный незнакомец». Она переложена на сцену из такого анекдота, который и сам по себе громко говорит душе и сердцу, и в ней уже одна прекрасная цель – тронуть публику зрелищем торжества дочерней любви – заслуживает уважение и благодарность и искупляет недостатки{3}.

Из прочих статей в «Репертуаре» укажем на «Биографию Рязанцева», прекрасно составленную г. Мундтом. Обо всем остальном нельзя ничего сказать ни нового, ни старого. Обозрения театров в «Репертуаре» давно уже знамениты отсутствием всякого мнения, удивлением всему и всем, и разве легкими замечками насчет самых плохоньких, которых, по русской пословице, только ленивый не бьет, да еще таким изложением, в котором что ни слово, то и общее место, как бы напрокат взятое из забытых журнальных рецензий о спектаклях. Театральные анекдоты в «Репертуаре» отличаются особенно тем, что, прочтя их, вы никак не угадаете, в чем состоит их остро-

та. Есть во 2-й книжке «Репертуара» статья важная{4}, но к ней мы обратимся, поговорив сперва о «Пантеоне».

«Пантеон» напрасно почитается соперником «Репертуара»: соперники по назначению своему, они очень разнятся между собою и обширностью кланов и исполнением. «Пантеон» – аристократ перед «Репертуаром»: он и толще и объемистее его, он обещает не водвили, но и драмы Шекспира и Кальдерона, не одни игранные на сцене пьесы, но и не игранные. В самом деле, говорят: мы скоро прочтем в нем «Бурю», «Кориолана» и другие произведения Шекспира{5}. Одно уже это заставляет смотреть на «Пантеон», как на нечто дельное и достойное внимания публики. Первая его книжка обещает в будущем много хорошего, – в добрый час! Взглянем на нее.

Капитальная пьеса в ней – «Велизарий», чувствительно эффектная мелодрама в немецком вкусе, местами порядочно переведенная г. Ободовским{6}. Своим успехом на сцене она обязана превосходному таланту г. Каратыгина; но в чтении наводит апатическую скуку. Вообще, г. Ободовский принадле-

жит к числу лучших наших драматических переводчиков, но ему недостает умения выбирать оригиналы для своих переводов. Равным образом, он не мастер и переделывать их, что необходимо с произведениями вроде «Иоанна, герцога финляндского»{7} и «Велизария», с которыми, как с произведениями дюжинными, не следовало бы слишком церемониться. – Несравненно выше всех возможных «Велизариев» вторая драматическая пьеса в «Пантеоне» – «Очерки канцелярской жизни и торжество добродетели», драматическая фантазия г. П. М.{8}. Не представляя собою целого, в художественном значении, она обнаруживает в авторе большую наблюдательность и заметный талант схватывать черты действительности. Не знаем, что выйдет из этого таланта, но готовы радушно приветствовать его, если он развернется и не обманет ожиданий, возбуждаемых этим опытом. – «Грешница»{9}, рассказ для драмы, есть отрывок из романа, который, как слышно, скоро должен выйти в свет. – «Музыка в Швеции» и «Шведский театр», коротенькие статейки г-на Штиглица, интересны в фактическом отношении.

«История балов и маскарадов», статья редактора «Пантеона» г. Кони, очень интересна по фактам о труппе немецких комедиантов, прибывших в Россию при царе Алексии Михайловиче, и о начале балов и маскарадов в России. Статья эта, кроме того, отличается и хорошим изложением; жаль только, что автор иногда увлекается излишним желанием блистать остротами, бог знает почему называя Платона патетическим и мокрою курицею (стр. 123), приписывая искусство женщин в притворстве знанию языка страстей, которому они будто бы научились из грамматики г-на Греча (стр. 124), где и мужчины не узнают даже просто русского языка, которого законы так запутанно и сбивчиво в ней излагаются, а уж не только языка страстей, которого в ней так же мало, как и в романах г. Греча. В статьях «Закулисная хроника» и «Панорама всех возможных театров» много любопытного, веселого и забавного, хотя много и балласта{10}.

Чуть было мы не проглядели в «Пантеоне» очень интересной статьи г. Булгарина «Театральные воспоминания моей юности» из которой мы сперва узнаем несколько подробно-

стей о прежних артистах петербургского театра, а потом видим, что *Дидло был Байрон балета* (стр. 81); что «теперь народ как-то мельчает: не видно ни гигантов времен екатеринских, ни женщин с формами и ростом *Афродиты-каллипиги*{11}[1]» (стр. 88); что в то время никто не стыдился, как ныне, *приносить жертв Бахусу*; что в Красном кабачке, в Желтеньком, в Екатерингофе, на Крестовском острове происходили настоящие оргии; что в трактирах шампанского спрашивали не бутылками, как ныне, а целыми корзинами; вместо чая молодцы пили пунш мертвою чашею; что это имело вредное влияние на нравы, но что они понимали свое дело и к ним шли стихи Крылова:

*По мне, так лучше пей,
Да дело разумей!* (стр. 89 и 90){12}

.

Кроме того, из статьи г. Булгарина узнаем, что Воробьев был большой остряк, хотя из приложенных острот никакой остроты не видно: верно, причина этому та, что есть остроты, которые в печати теряются и дела-

ются тупыми. Далее узнаем, что Шекспир должен быть для нашего века не *образцом*, а только *историческим памятником* (стр. 91); что если бы явился новый Коцебу, то он, г. Булгарин, первый *преклонил бы перед ним чело*{13} (стр. 92); что Гоголь «Ревизором» доказал, что он имеет комический талант (и мы то же думаем!), и что если бы Пушкин подчинил своего «Бориса Годунова» условиям сцены, то мог бы стать наряду с Шиллером (конечно!); что, наконец, г. Полевой (первый в драматическом триумвирате, состоящем из него, г. Полевого, Пушкина и Гоголя) обезоруживает умную критику тем, что, из любви к литературе и жалости к бесплодию драматической почвы, оживляет русскую сцену оригинальными произведениями (стр. 93–95).

«Театральные воспоминания моей юности» г. Булгарина возбудили «Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии» г. Полевого, – и он, по обыкновению, изложил их в «Письме к Ф. В. Булгарину», напечатанном в «Репертуаре». *По обыкновению*, говорим мы, ибо, с некоторого времени, все мнения и воспоминания г. Полевого излагаются не ина-

че, как в письмах к г. Булгарину. Читатели «Отечественных записок» знают уже о письме г. Полевого к г. Булгарину, напечатанном в IV № «Сына отечества» за прошлый (не кончившийся еще для него) 1839 год{14}. В этом достопримечательном письме г. Полевой прямо называет г. Булгарина единственным русским литератором, с которым ему, г. Полевому, еще можно иметь дело (стр. 118).

Утешительное явление! Тем более утешительное, что нашу литературу, особенно журнальную, упрекают в духе парциальности и вражды! Письма г. Полевого к г. Булгарину, отличающиеся духом миролюбия, непамятозлобия и приязненности, суть важный факт против несправедливости подобного обвинения. Сколько было чернильных войн между этими двумя атлетами нашей литературы, — но мир, благодатный мир восторжествовал! Невозможно не подивиться, от умиленной души и умиленного сердца, всякой умилительной гармонии душ, которая, говоря философским языком, проистекает из родственности *субстанций*. Да, что соединила природа, того не расторгнут ни враждебные люди, ни враж-

дебные обстоятельства; симпатия, основанная на тождестве стремления и целей, – такая симпатия не только выдерживает всевозможные *отрицания*, но еще и более укрепляется от них. Люди, *таким образом* настроенные, могут ссориться, но эти ссоры служат только к большему укреплению прекрасного союза. За примерами ходить недалеко: оставляя в покое Орестов и Пиладов{15} и всю древность, заглянем в историю наших журнальных переворотов, которая всегда так интересна и назидательна и которую изучать мы поставили себе в обязанность. Вспомним недавние эпохи ее, вспомним, например, о том, сколько литературных неудовольствий, распрей, ссор, войн, примирений и разрывов, разрывов и примирений было хоть бы между г. Полевым и г. Булгариным, и как прекрасны теперешние их отношения. В то время для неопытного, поверхностного и особенно для *молодого* взгляда могло показаться, что гг. Полевой и Булгарин враждебно противоположны; но взор опытный в каждой размолвке мог рассмотреть благодатные и плодотворные (для обеих сторон) семена будущей друж-

бы, – и все эти несогласия для него были не что иное, как усилия к упрочению вечного союза, так точно, как болезни молодого тела суть не что иное, как стремление и усилия к его полному и здоровому сформированию. При самом начале «Московского телеграфа» можно было провидеть будущий союз; но скоро возгорелась кровопролитная брань. Не говоря о многих важных нападках и обвинениях, устремленных г. Полевым на г. Булгарина, не говоря о многих сильных поражениях, терпленных г. Булгариным от г. Полевого, – укажем только на один факт: кто не помнит, что ученый, хотя и враждующий против учености, г. Булгарин издал Горация с *своими* примечаниями, и кто не помнит, что г. Полевой, по этому случаю, печатно указал г. Булгарину, что он присвоил себе чужую собственность – комментарии г. Ежовского, и доказал, что издание Горация г. Булгарина было перепечатка книги г. Ежовского?{16} Боже мой! что за кровопролитная брань началась! Сколько остроумия, ума, силы, а главное – правды, было потрачено с обеих сторон! Но г. Полевой готовился издавать свою «Историю

русского народа», а г. Булгарин – своего «Ивана Выжигина»: единовременное появление этих двух великих творений, из которых одно начало собою живую эру истории, а другое – романа в русской литературе, само собою показало *разумную необходимость* согласия. Помирились и, в чистой радости примирения, осыпали друг друга всевозможными похвалами и превозносили друг друга до седьмого неба. Г-н Полевой уже бросил историю, не кончив ее, потому что его цель была – не написать историю, а только показать, как должно писать историю, и доказать, что великий и бессмертный труд Карамзина – неудовлетворителен; но издания с обеих сторон не прекращались – похвалы и комплименты также, следственно, мир процветал. Но вдруг на горизонте нашей литературы явилось новое великое светило, достойное быть солнцем прекрасной планетной системы, которую образовывала собою литературная связь г. Полевого с г. Булгариным: я говорю об авторе «Фантастических путешествий»{17}. Г-н Булгарин не замедлил обнаружить симпатию к новому солнцу и войти в его сферу. Что же ка-

сается до г. Полевого – если не могло быть недостатка симпатии к солнцу с его стороны, зато «высший взгляд» на себя решительно воспрепятствовал ему войти в его систему в качестве планеты. Следствием такого дисгармонического положения дел была война. Г-н Полевой, после долговременного мира, вдруг объявил во всеуслышание, что г. Булгарин весь вылился в «ничто»...{18} Это было самым злым каламбуром, потому что здесь г. Полевой ловко воспользовался замысловатым и совершенно выражающим свою идею названием юмористической статейки г. Булгарина – «Ничто». Г-н Булгарин, разумеется, не устранился, – и множество острот, намеков, частью не понятых, а частью не замеченных публикою, испещрило листки «Пчелы». Вдруг г. Полевой делается главным сотрудником «Сына отечества», решившегося на попытку к возрождению и оживлению;{19} тогда снова начинается самое крепкое согласие, которое, к изумлению всего читающего мира, было прервано бранным возгласом г. Булгарина против г. Полевого, приплетенным к обертке «Библиотеки для чтения», возгласом, в кото-

ром г. Булгарин доказывал, что г. Полевой, играя с ним на бильярде, «сделал на себя двенадцать очков – то есть положил на себя желтый шар в среднюю лузу...»{20} Но это было слабым и уже последним затмением согласия, так гармонически настроенного{21}. Г-н Полевой не возражал и, как это бывало прежде, за несправедливость г. Булгарина не заплатил несправедливостью, лишив его всех достоинств, им же самим ему приданных, но скромно признался, что г. Булгарин победил его. Вскоре после того г. Булгарин так верно и истинно оценил всего г. Полевого, а г. Полевой так скромно и так безобидно для себя и для г. Булгарина возразил ему, что согласие, кажется, уже утверждено на вечных и неизблемых основаниях... Теперь не ясно ли, что неразрывна та дружба, которой основа прочна и истинна? А это и следовало доказать.

Из второго письма г. Полевого к г. Булгарину, напечатанного в «Репертуаре», можно ясно видеть, как крепко то согласие, о котором мы говорим: г. Полевой называет г. Булгарина просто по имени и отчеству, иногда любезнейшим Ф. В., а иногда сердитым и строгим Ф.

В. (стр. 11), – названия и эпитеты, на которые право дает одна дружба. Кроме этого, из письма г. Полевого к г. Булгарину мы узнаём несколько действительно интересных подробностей о московском театре с двенадцатого до двадцатых годов настоящего столетия; но более всего узнаём мы интересных подробностей о детстве и юности самого автора. Потом слышим тут же, что г. Полевой приближается к старости, но что ему еще не хочется назвать себя вполне стариком (стр. 1); что он писал свои заметки для летописи минувшего (ibid.[2]); что у него нет такого таланта рассказывать, как у г. Булгарина (ibid.), что гром рукоплесканий, слезы или смех зрителей суть нечто такое, к чему никогда не сделаешься равнодушным, но что *свист* в *шиканье* страшнее всякой критики, и что чем выше наслаждение, тем тяжелее за него расплата, ибо уже так ведется на белом свете (стр. 1–2); что драма есть у всех народов – у чухон и малайцев (ibid.); что «Ревизор» Гоголя – *фарс*, а совсем не то, что драмы его, г. Полевого (с последним нельзя не согласиться) (стр. 11); что для нашей литературы нужен *высший* *взгляд*

(ibid). Замечательнее всего в этом письме защита Коцебу, которого, говорит г. Полевой, «теперь сбили в грязь и сбросили с высокого пьедестала, на котором он стоял; над ним смеются, и *кто* еще смеется?..» (стр. 4). Заметьте, что *кто* напечатано курсивом. Кто же этот таинственный *кто*? Не знаем, право, но очень хорошо помним, что первый начал нападать на Коцебу г. Полевой в своем «Телеграфе», в котором он преследовал всякий драматический опыт – от пьес кн. Шаховского до пьес г. Кукольника.

Основная мысль письма г. Полевого к г. Булгарину есть та, что Гоголь в повестях своих *жартует*, а в комедии фарсерствует^{22}, но что он, г. Полевой, самую природою создан быть драматическим писателем. Верим! И почему не верить, когда сам автор уверяет? Впрочем, он же уверял, что рожден быть и историком...

«Пантеон» отличается пестрою и затейливою, но и красивою оберткою. Издание вообще прекрасно; к нему приложены ноты – «Светлана», баллада Жуковского, положенная на музыку г. Арнольдом, и картинка – «Стран-

ствующие музыканты», очень хорошо сделанная. Ко 2-й книжке «Репертуара» приложена картинка, изображающая какую-то сцену из «Дедушки русского флота». На 13-й стр. издатель говорит своим читателям: «Вглядитесь в эту картинку» – мы вглядывались, – и, кроме каких-то странных лиц, ничего не разглядели.

Примечания

Впервые – «Отечественные записки», 1840, т. VIII, № 2, отд. VI «Библиографическая хроника», с. 68–74 (ц. р. 14 февраля; вып. в свет 15 февраля). Без подписи. Вошло в КСсБ, ч. IV, с. 38–48.

В первых числах января 1840 года в Петербурге начал выходить новый журнал «Пантеон русского и всех европейских театров», который, по замыслу его инициаторов, должен был освещать театральную жизнь не только в России (на что претендовал организованный годом ранее «Репертуар русского театра»), но и всей Европы. Белинский присутствовал на торжественном обеде по случаю выхода первого номера этого журнала. Обед состоялся около 1 января 1840 года (см.: «Воспоминания Юрия Арнольда, вып. II. М., 1892, с. 176–179).

Сноски

1

Слово «каллипига» по-русски никак не может быть переведено печатно.

[^^^]

2

Там же (*лат.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Это ограничение было вызвано тем, что обновленные «Отечественные записки», как следовало из программы журнала (см.: «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», 1838, № 43), отказывались от какой бы то ни было полемики и провозглашали себя свободными от любой литературной коалиции.

[^^^]

«Параша-сибирячка. Русская быль в двух действиях с эпилогом» (1840) – одна из казенно-патриотических пьес Н. А. Полевого, сочинением которых он надеялся восстановить свою репутацию в официальных кругах. Эти пьесы («Дедушка русского флота», «Купец Иголкин» и др.) по иронии судьбы написаны в том же духе, что и драма Н. В. Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», отрицательный отзыв о которой погубил в 1834 г. журнал Полевого «Московский телеграф». Опытами Полевого в этом жанре остался весьма доволен сам Николай I (см.: «Записки Ксенофонта Полевого». СПб., 1888, с. 446). 17 января 1840 г. Белинский был на премьере «Параша-сибирячки» в Александрийском театре, которой посвятил специальную рецензию в «Литературной газете» (см.: Белинский, АН СССР, т. IV, с. 17–18). Как в газетной, так и в данной рецензии проведена мысль о том, что успех пьесы обусловлен мастерством актеров (прежде всего В. Н. Асенковой): зная о высочайшем одобрении драматургии Полевого,

критик не мог прямо высказать свое отношение к этому произведению (см. рецензию на перевод повести Ксавье де Местра «Молодая сибирячка» – наст. т., с. 410). Истинную оценку пьесы Полевого кругом Белинского см. в письме И. И. Панаева К. С. Аксакову от 2 марта 1840 г.: «Эта скотина Полевой «Парашками»... приводит в восторг всю публику» («Труды ГБЛ», вып. IV. М., Соцэкгиз, 1939, с. 212).

[^^^]

3

Сюжет пьесы основан на подлинном происшествии. В 1804 г. молодая девушка Прасковья Лупанова, не имея ни средств, ни опыта, одна добралась из Сибири до Петербурга для того, чтобы вымолить у императора прощение отцу и двум его товарищам, томившимся в ссылке. Добившись своей цели, Прасковья умерла в монастыре. Несмотря на густую верноподданническую закваску, пьеса Полевого примечательна тем, что в ней присутствует тема сибирских ссыльных – крайне редкая в

литературе николаевской эпохи.

[^^^]

4

Имеются в виду «Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии» Н. А. Полевого.

[^^^]

5

Перевод «Бури», выполненный М. А. Гамазовым, появился в № 3 «Пантеона...» за 1840 г.; в № 11 «Пантеона...» за этот же год был опубликован перевод «Цимбелина», принадлежащий А. Н. Бородину.

[^^^]

6

«*Велизарий*» — пьеса немецкого драматурга Э. Шенка (1826). Перевод П. Ободовского.

[^^^]

7

«*Иоанн, герцог Финляндский*» – драма немецкой писательницы И. Вейсентурн. В рецензии на постановку этой драмы в Александрийском театре («Литературная газета», 1840, 27 января) Белинский писал: «Мне не случилось видеть драмы смешнее и нелепее «Иоанна, герцога Финляндского» (Белинский, АН СССР, т. IV, с. 15).

[^^^]

8

«Очерки канцелярской жизни. Торжество добродетели» – «драматическая фантазия» П. Н. Меньшикова.

[^^^]

9

«Грешница» – рассказ А. Новомлинского (А. П. Башуцкого). Вошел в состав его романа «Очерки из портфеля ученика натурального класса. Тетрадь I – Мещанин» (ч. I–II, СПб., 1840).

[^^^]

10

Автором «Закулисной хроники», подписанной Ф.-ни, и «Панорамы всех возможных театров», подписанной Ф. К., являлся редактор журнала Ф. А. Кони.

[^^^]

11

Афродита Каллипига – известная античная скульптура; *каллипига* – «прекраснобедрая» (греч.).

[^^^]

12

Неточная цитата из басни И. А. Крылова «Музыканты» (1808).

[^^^]

13

А. Коцебу, немецкий писатель, прославившийся своими пошло-сентиментальными произведениями, в глазах Ф. В. Булгарина являлся классиком драмы.

[^^^]

14

О статье Н. А. Полевого «Несколько слов о русской драматической словесности (Письмо к Ф. В. Булгарину)» критик писал, рецензируя «Очерки русской литературы» Полевого (см. наст. изд., т. 2, с. 244, 257–263).

[^^^]

15

Орест и Пилад – персонажи греческой мифологии, чья дружба и донныне считается символом нерушимого братства.

[^^^]

16

«Московский телеграф» (1826, ч. XII, отд. II, с. 45–46) обвинил Булгарина, издавшего «Избранные оды Горация» (СПб., 1821) в использовании комментариев польского ученого Ю. Ежовского без соответствующих ссылок. Однако в данном случае Булгарин не был виновен в плагиате (см. наст. изд., т. 1, с. 644).

[^^^]

17

Автор «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса» (1833) – О. И. Сенковский.

[^^^]

18

В анонимном отзыве Н. Полевого об альманахе «Новоселье» (СПб., 1833) по поводу статьи Булгарина «Ничто, или Альманачная статейка о ничем» сказано, что в этом сочинении Булгарин *«вылился весь»* («Московский телеграф», 1833, ч. I, отд. VI, с. 101).

[^^^]

19

См. примеч. 6 к статье «Полное собрание сочинений А. Марлинского».

[^^^]

Это высказывание содержится в статье Булгарина «Исторические пояснения на замечания Н. А. Полевого о соч. Ф. Булгарина «Россия», напечатанной в качестве приложения к XXVIII тому «Библиотеки для чтения» за 1838 г.

[^^^]

После крупной ссоры, происшедшей в 1838 г., отношения Полевого и Булгарина, по выражению последнего, «уподоблялись барометру» (об этом см. в комментарии В. Н. Орлова в кн.: Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы тридцатых годов. Л., 1934).

[^^^]

Жартовать – шутить (укр.); *фарсерствовать* – производное от «фарс».

[^^^]

[^^^]